

ДРУЖБА НАРОДОВ

● *Шота Иаташвили*
Ален и Боб в Тбилиси
С грузинского. Перевод Александра Эбаноидзе

● *Андрей Волос*
Рассказы

● *Галина Климова*
Майка, Марфа и Жорж
Маленькая повесть о любви

● *Бахыт Кенжеев*
«Время было такое...»
Разговор ведёт Сергей Надеев

● **Последнее воскресенье августа**
*История одного события
на улицах литовского города*

12'2016

Последнее воскресенье августа

*История одного события, начавшегося в интернете
и продолжившегося на улицах литовского города*

*В мае нынешнего года в социальных сетях появился текст известного литовского прозаика, драматурга и режиссера **Марюса ИВАШКЯВИЧЮСА**.*

Евреи. Проклятие Литвы

«Кажется, мы наконец-то можем точно определить тех, кто сегодня вслух говорит об истреблении евреев в Литве. Либо они устраивают себе рекламу, поскольку подобно модно в Европе, либо их деятельность финансируют сами евреи. Все эти шокирующие подробности, эта хроника растерзания еврейских младенцев, когда для экономии пуль им разбивают головы о деревья, — есть не что иное как растравление незажившей раны грязными, неумелыми пальцами. Таким способом травмируется еще одно поколение литовцев, наших детей, рожденных уже на свободе, ибо эти действия вызывают не раскаяние или хотя бы сострадание, а возбуждают еще большую ненависть к евреям — именно так работает естественный инстинкт национального самосохранения. Каждый народ уникален, поэтому для нас не подходит опыт Германии, когда именно через просвещение, самораскрытие, скрупулезное исследование нацистских зверств пришло облегчение и окончательное исцеление. Там все происходило сразу после войны, события были близки, а сегодня убийцы и свидетели почти вымерли, и поэтому Литва должна отыскивать собственный путь. Ведь недаром наши интеллектуалы, хронисты, комментаторы утверждают: не нужно, нельзя беречь эту рану, сначала пусть она заживет, подернется забвением. Забыть иногда не менее ценно, чем память».

Я из Молетай. Это — городок невероятной красоты с тремя внутренними озерами и еще тремя сотнями окрестных; да что тут говорить — все знают Молетай, литовский дачный рай. Во время войны, точнее, в один летний день 1941 года здесь были расстреляны две тысячи евреев. Иначе говоря, восемьдесят процентов населения. Более чем две трети жителей местечка исчезли за несколько часов и были зарыты в общей яме. Руководили убийством немецкие нацисты. Стреляли местные литовцы. Такovy сухие факты и цифры. Сейчас место казни — на окраине города. В советское время там был устроен скверик с мемориальной доской, а совсем рядом, то есть буквально тут же, а может быть прямо на краю огромной могилы расположилась районная строительная организация. Так что две тысячи наших земляков оказались у нее на задворках, среди нагромождения строительной техники, кирпичей, блоков, зажаты бараками, складами и бытовками — словом, так искусно упрятаны, что я, рожденный и выросший в Молетай, ни разу на то место не попал и даже не знал о нем. Все это существует и сегодня, только теперь это скорее свалка ржавой техники и

строительного мусора, да и сам сквер выглядит жалко, если не сказать плачевно. Это зона застывшего, мумифицированного советского времени, кладбище растрескавшихся бетонных плит, сквозь которые пробивается трава. Я видел много похожих мест в российской, украинской глубинке, но там и весь фон такой: развал, разлом и распад. А Молетай никак не назовешь останками советского гнилья, город с каждым годом хорошеет, «европеет», прокладываются велодорожки, оздоровительные тропы вокруг озер, возникают теннисные корты, новые супермаркеты, и только там, где лежат евреи, — полный штиль. Год назад была оторвана и мемориальная доска, заодно со звездой Давида. Теперь случайным прохожим никак не понять, что это за место, к чему этот брошенный сквер. Единственная сохранившаяся надпись на мятой бумаге призывает «Не сорить!». Так заживает, зарастает величайшая во всей молетской истории рана, ибо Литва избрала именно такой способ обращения с памятью о загубленных евреях. Своеобразный, не похожий ни на чей другой. В самом деле: смелая страна. Ведь наших евреев мы зарыли не затем, чтобы позже ставить им памятники, а затем, чтобы их не осталось. Не только признаков жизни, но даже смерти. Ведь нам это больно, это может травмировать наших детей, пусть раны рубцуются сами.

В один из майских выходных этого года футбольный агент из Израиля по имени Цви пришел к этому нашему скверу, где лежит более двадцати его родных. Деды, дяди, тетки, их сестры и братья — все коренные, молетские. По еврейскому обычаю на большой камень, с которого содрана памятная доска, он положил малый камушек. Еще побыл там, постоял. Собрался уже уходить, но тут ввалились местные забулдыги и стали пить. Не таясь, прямо на могиле. Когда Цви остановился и поглядел на них, от компании к нему подбежал мутноватый тип с криком: «Чего смотришь!». Конфликта удалось избежать лишь благодаря характеру Цви, он очень покладистый. Потом они даже разговорились. Цви спросил, почему они приходят пить именно сюда, ведь в Молетай столько прекрасных мест у озер. Ответ был: а что — удобно, укромно, никто не видит.

Подумаешь, невелика трагедия, это простые литовские пропойцы, им дела нет, да и вряд ли известно, что под ними — две тысячи убитых людей, что они пьют и опорожняются прямиком на их кости. Они просто-напросто хотят жить в свободной стране и не знать ее темного прошлого. «Пусть рана сперва заживет, тогда и поговорим о ней». Зато взгляд городских властей уже совершенно другой — сознательный. Когда Цви на месте разбитого вандалами памятника предложил построить (за свои деньги) новый, молетские чиновники во главе с мэром бросились ему наперекор, уверяя, что новый монумент — это дело их чести, поэтому город берет на себя всю организационную и финансовую ношу. Мало того, 29 августа, в день 75-летия еврейской резни, в Молетай будет устроено памятное шествие по главной городской улице, той самой, по которой когда-то к яме гнали несчастных. Со всего света приглашены потомки молетских евреев, в шествии примут участие президент и премьер Литвы, другие высокие лица, съедутся звезды, вечером состоится концерт, потом угощение, выставки. Такой вот пример подлинного раскаяния, значимый жест примирения.

Вы поверили?

И правда, как это было бы мудро. И просто. Нужна только воля, желание, ведь это немного стоит, примерно как двадцать метров велодорожки, а между тем символическое значение такого жеста, такого шага неоценимо, это событие прогремело бы на весь мир, во всех еврейских общинах, по сути — за один вечер мы смогли бы решительно изменить свой образ, и все это без публичного покаяния, которого так боимся, а просто всем показав, что мы уже не равнодушны, мы выросли, усвоили, что случилось, и мы теперь с той стороны, где жертвы, а не убийцы.

Цви — он действительно на свои деньги хочет поставить новый памятник, который уже делается. Но земля, где лежат погубленные евреи, — казенная. На памятник требуется разрешение. Чтобы его получить, Цви постоянно летает из Тель-Авива в Литву, обивает пороги молетской власти и бесконечно плутает по кабинетам. Иначе сказать, все делается для того, чтобы он заблудился в наших

бюрократических лабиринтах: вдруг лопнет терпение и человек откажется от своего плана.

Мне, наверное, впервые так стыдно за мой город. Бойня длится: одни крадут памятные доски с братских захоронений, другие не позволяют их восстановить, третьи безразлично наблюдают. Объясните: как, каким тоном, в какой тональности можно растрогать чуткую литовскую душу, чтобы она однажды пришла на такую могилу и сказала себе: здесь лежат мои евреи. Дети, которые передо мной носились по городским дворам, лазали по деревьям, плескались в тех же самых озерах, их родители, которые, как и мои, шли на работу по тем же улицам, ссорились, хохотали, для всех них этот город был домом, они любили его так же, как мы, только их однажды всех расстреляли и сами они не могут об этом сказать. Кто-то другой должен это сделать за них. Они умерли.

Я даже не пробую вообразить, каково им было над ямой. Пытаюсь представить себе, каким был город наутро после расстрела. Через неделю. Спустя год. Беспросветная пустота. Немота. Из почти трех тысяч жителей осталось семьсот. Магазины, конторы, «бубличные», футбольный клуб, самодеятельный драмтеатр — все обрушилось в эту яму. Старожилы рассказывают, что исполнителей казни и расхитителей еврейского скарба преследовало проклятие: страшные болезни, утраты близких, их дети тонули, гибли в авариях. На одном кладбище в Нью-Йорке стоит памятник жертвам той бойни. Он был установлен сразу после войны усилиями евреев, эмигрировавших из Молетай в межвоенную пору. На нем выбито: *«И да отмстит Господь за их кровь»*. Догадываюсь, что на свете много таких обелисков с проклятиями каждому литовскому городу и местечку. То поколение евреев нас не простило и уже, видимо, не простит, я это ощутил в Америке, где встречал литваков и говорил им, откуда я приехал. Мгновенно изменялся не просто взгляд на меня, менялся сам взгляд. Эти старые глаза смотрели на меня как на потомка убийцы их близких. И я их вполне понимаю: пока мы поименно не назвали палачей, не осудили их (а некоторым даже собираемся ставить памятники), до тех пор в их глазах головорезами будем все мы. И это уже не коллективная вина, от которой мы с таким пылом открещиваемся, а коллективное проклятие — и мы сами его на себя навлекли.

Но Цви и такие, как он, — это уже другое поколение. Они заново обретают свою утраченную землю, им просто любопытно повидать дом своих предков, их дворы, улицы и, поверьте, им совсем не нужны их-ваши старые кособокие хижины, они приезжают сюда не затем, чтобы отнять у нас жилье, они лишились гораздо большего, чем эти дедовские дома и расхищенная мебель.

29 августа, в годовщину убийства, в Молетай обещают приехать около сорока потомков молетских евреев со всего мира: из Израиля, США, ЮАР, Австралии, Уругвая. И будет их шествие по главной городской улице, по той самой дороге, где 75 лет назад гнали на смерть их близких. Это шествие организуют они сами. И город Молетай обещал им (пока) не мешать, даже на несколько часов прекратить движение по улице, где пройдет шествие. И все. Да, будто бы существуют два города с одним именем, и один, сущий в нашем времени, другому, параллельному, из прошлого, милостиво позволяет воспользоваться своей улицей. Представьте себе, сорок молетских евреев в тот день двинутся в путь к родным могилам, а шесть тысяч молетских литовцев будут глядеть на них из своих окон. Но так уже было — 29 августа 1941 года. Когда евреев гнали по этой улице, а несколько местных белоповязочников бежали впереди и кричали в окна: «Не смотреть!» Кто посмотрит, будет вытасен из дому и отправлен вместе с евреями.

Да, они прошагают, они почтут своих павших, возможно, даже воздвигнут памятник. Но потом они все уедут, и те две тысячи наших закопанных земляков вновь останутся в немой очной ставке с нами. Опять они будут мертвы, а мы — живы, поэтому мы оскверним тот камень и будем дальше пить и испражняться на их могиле.

Это самое страшное, что может случиться, но пока именно этот сценарий наиболее вероятен. И я не знаю, как быть, чтобы этого не случилось. Мой город,

существующий в нынешнем времени, не хочет или не в силах постичь значение этого события. Ему надо помочь. Помочь снять проклятие, дрящущее 75 лет. Знаю, что есть мои земляки, которые хотят присоединиться к шествию, но боятся. Вы представляете? 2016 год, Литва, — люди в провинции все еще напуганы, им кажется опасным отдание почестей жертвам геноцида. Поэтому я зову всех, кто может и хочет: президента Литвы, председателя правительства, всех правых, левых, любых, земных и звездных, прославленных и безвестных, всех, кто в этот день будет у молетских озер, — приехать, прийти... Ничего не придется делать, только идти, несколько километров по городку Молетай, вместе с нашими евреями. Сообща помолчать, посмотретья в глаза друг друга. Почти не сомневаюсь, что кто-то заплачет, ибо такие минуты ранят в самое сердце. Кто-то из них и кто-то из нас. И этого будет довольно. Только всего — показать им и себе, что больше мы не враги.

Это шествие так или иначе случится. Вопрос только один: наши евреи снова пойдут одни или на этот раз мы будем заодно с ними.

Так хочется верить, что это будет ясный, солнечный день на закате лета. 29 августа. День, когда свершилось примирение.

Этот текст, как говорится, взорвал интернет. Больше миллиона прочтений, тысячи перепостов — и комментарии, комментарии...

Споры.

Хотя именно к спорам Ивашкявичюсу не привыкать. В 2002 году в Литве вышел первый роман тогда еще молодого писателя «Зелёные», где автор, скажем так, не вполне в розовом цвете представлял героев послевоенного партизанского движения. То есть персонажи Ивашкявичюса несли в себе не только героинку, но и трагедию — как личную, так и историческую. Что тут поднялось! На автора романа ополчились и ветераны антисоветского партизанского движения, и коллеги-писатели, даже сам Витаутас Ландсбергис удостоил его своим раздраженным вниманием, назвав сочинителя «политическим недорослем».

Споры не умолкли и три с лишним года спустя, когда в «Дружбе народов» (2006, № 9—10) вышел русский перевод романа.

Сейчас Марюс Ивашкявичюс — заметная фигура и в Литве, и за ее пределами. Его книги переводятся, спектакли по его пьесам ставятся во многих странах, в том числе и в России.

Странно было бы ожидать, чтобы *такой*, идущий из глубины души текст, призывающий соплеменников писателя признать участие их предков в пособничестве нацистским преступникам, покаяться и отдать дань памяти жертвам, вызвал резкое неприятие. *Резкого* он, кажется, и не вызвал. Напротив, очень многие восприняли его с пониманием и благодарностью. И тем не менее рассчитывать сегодня на то, чтобы понимание подобных призывов сделалось всеобщим, все-таки трудно. И не только в Литве.

Казалось бы, столько лет прошло. Был Нюрнбергский трибунал. Ни в одной цивилизованной стране не разрешено высказывать сомнения в Холокосте. Выпущены тысячи книг, фильмов, тонны документов, мемуаров и т.п. Фашизм и деятельность фашистов исследованы буквально под лупой. О том, что происходило на оккупированных Германией территориях, пишут и пишут.

Но. Видимо, одно дело — знать, а другое — каяться и ощущать вину. Пусть она лежит не на тебе. На близких. Которых ты, право слово, помнишь замечательными людьми. На друзьях этих близких, которые на твоей памяти тоже были неплохими людьми и которым по жизни выпало то, с чем неизвестно, справился ли бы ты.

Вы говорите: вина перед жертвами. А мы говорим: сострадание к людям, которые, быть может, творили зло не по своей воле. Хотя признаем: некоторые — и по своей. Но если уж совсем начистоту — разве все уничтожаемые были ангелами во плоти? Разве некоторые из них не заслуживали расправы?

Такой или похожей логике следуют в Европе те, кто не хочет никаких покаяний. Поэтому призывы к ним по-прежнему вызывают бурление в обществе. Например, в Польше — когда там на экраны вышел фильм режиссера Пасиковского «Poclosie» (в русском переводе «Стерня»), посвященный погрому евреев в польской деревушке Ебавне, то автора некоторые СМИ обвинили в предательстве национальных интересов. Ну прямо как некогда Ивашкявичюса в его родной Литве.

Или на Украине — там в этом году на вполне высоком уровне вспомнили 75-летие Бабьего Яра, но можно ли при этом говорить о подлинно национальном осознании трагедии? Вряд ли...

А у нас, в России? Здесь почти не говорят о пособничестве фашистским оккупантам, предпочитают переводить зарубежные книги, крутить зарубежные фильмы, ставить спектакли по зарубежным пьесам — только что в театре Вахтангова состоялась премьера спектакля «Наш класс» по пьесе польского драматурга Тадеуша Слободзянека в постановке Натальи Ковалевой. Переворачивает душу! Но действие, само собой, происходит в Польше.

Из книг вспоминается разве что вышедшая не так давно работа профессора права Льва Симкина «Коротким будет приговор», основанная на рассекреченных документах и малодоступных источниках (одна из глав, как раз посвященная истории Холокоста в Литве, была опубликована в «ДН» — «Соседи—2», № 5, 2013). Несмотря на небольшой тираж, она вызвала немало откликов в СМИ, в основном положительных, характерна, однако, реакция газеты «Завтра» — «Гнусный пасквиль».

Так что претензии к автору нашумевшего текста, что называется, в тренде. И их оказалось так много, что Ивашкявичюсу незадолго до шествия пришлось выступить в интернете еще раз. Публикация так и назвалась «Я — не еврей». Таким образом четко и недвусмысленно ответил он на вопрос, витавший в воздухе и в социальных сетях. За которым со всей натуральностью возникал следующий: «Ну чего он завелся тогда с этими евреями, какая муха его укусила?»

«Я не еврей, но меня трясет, когда и сейчас слышу от кого-нибудь: "Людей так просто не убивают, видно, было за что", — пишет Ивашкявичюс. — Было. Было выдуманно, почему они должны умирать, запущена мощная пропагандистская машина, вопящая, что евреи — не люди. Они — клещи, вши, сосущие нашу кровь. И они были уничтожены руками своих соседей. Но даже сами нацисты, наверное, не представляли себе, что пропаганда — эта клевета, вся эта кровавая ложь так прочно утвердится в сознании некоторых из нас, переживет три поколения и спустя семьдесят пять лет люди у нас будут ее ретранслировать дальше, повторяя на манер черной молитвы: "все евреи были сплошь коммунисты, при советах они ссылали и пытали литовцев, вот им и воздано по заслугам"».

Кто-то обвинял писателя в том, что он обеляет литовцев, кто-то — что обеляет русских, евреев и коммунистов.

Тем не менее инициатива Ивашкявичюса очень многих задела за живое. Вот что, например, писал ему театральный режиссер **Кама ГИНКАС**:

«Уважаемый Марюс и все-все-все, в том числе, я убежден, и госпожа Президент, и господин Председатель правительства, словом, все-все, кто будет участвовать в этом очистительном Шествии! Если бы я узнал о нем хоть на несколько дней раньше, я бы, конечно, был вместе с вами. Я — еврей. Я — чистокровный еврей. Я — еврей во всех поколениях. Я не из Молетай, но я из Литвы. Я из моей Литвы. Я закончил "Саломейку"¹, учился на литовского артиста вместе с Рутой Сталилюнайте².

Мой отец родился в Паневежисе, закончил литовскую гимназию и Университет Витаутаса Великого, служил в литовской армии. Мой дед родился в Мусниках, другой мой дед из Вилкавишкиса. Я уверен, что и мои прапрадеды — литваки.

¹ Виленская литовская школа № 2.

² Ruta Staliliunaite (1938–2011) — актриса театра и кино, Народная артистка Литвы.

Ни литовцы-убийцы (zydsaudziai, жидоморы), расстреливавшие евреев и убившие моего деда, мою тетю, мою бабушку, моего дядю и еще одного моего дядю, ни чиновники Советской Литвы, отказавшие мне в республиканском месте при поступлении к Товстоногову, указав на мою «некоренную национальность», ни даже сегодняшние законы уже свободной Литвы, отказавшие мне в литовском гражданстве, не отнимут у меня моей Родины. Считайте, что я иду вместе с вами по улицам Молетай до места расстрела. Причем иду вместе со своими десятью внуками, которых могло и не быть, потому что и меня могло не быть, потому что, если бы не литовцы Зося Бинкене, Владас Варчикас, монах Бронюс Готаутас, монашка Антонина Вайчюнайте, спасшие меня, я лежал бы вместе с тридцатью тысячами расстрелянных под Каунасом в Девятом Форте.

Я прошу вас также положить от моего имени Камень Памяти и Скорби».

Траурный марш состоялся 29 августа. Погода — как по заказу Марюса Ивашквичюса (вспомним его текст), а количество участников превзошло всякие ожидания. Литовцы и евреи со всего мира, немцы, поляки, русские, латыши... Деятели культуры, государственные мужи... Трансляция по литовскому телевидению и даже сюжет на российском. С трудом передвигаясь, на шествии появился Ландсбергис.

...Прошло немного времени, поутихли эмоции, и теперь уже можно подводить некоторые итоги. Впрочем, какие итоги — просто понять, что это было, отчего и зачем, и почему так откликнулись люди? Среди организаторов шествия был поэт, переводчик и друг Марюса Ивашквичюса (кстати, и друг нашего журнала) **Георгий ЕФРЕМОВ**¹. О роли в мероприятии **Григория (ЦВИ) КРИЦЕРА**² после рассказа Ивашквичюса нечего и говорить.

Вот их беседа, состоявшаяся по просьбе редакции в конце октября.

Георгий Ефремов. После траурного шествия у многих возникли вопросы: почему сейчас? Откуда столько участников? Где все они были раньше? Кто вдруг разбередил старую рану? Я-то знаю, что ничего не вдруг, что еще 40 лет назад Томас Венцлова выступил (в сам- и тамиздате) со статьей «Евреи и литовцы», где были такие слова: *«...Зло всегда остается злом, убийство убийством и вина виной. Ничто на свете не зачеркнет того факта, что в конце июня 1941 года литовцы на виду у толпы литовцев убивали безоружных людей, — даже тот факт, что в двадцатом веке многие, если не все, народы делали что-то подобное. И я, будучи литовцем, обязан говорить о вине своих, о своей вине. Садизм и разбой, презрение и постыдное равнодушие к людям не могут быть оправданы; увы, не могут быть даже объяснены, поскольку таятся в особенно темных углах личного и национального сознания, и искать рациональное объяснение всему этому — напрасный труд. Иной скажет: "Нет, евреев убивали не литовцы, а подонки (или того хлеще — "буржуазные националисты"), с литовским народом не имеющие ничего общего».*

¹ Георгий Ефремов родился в 1952 году в Москве. Учился во 2-й московской физматшколе, затем в Вильнюсском пединституте. Переводчик и распространитель Хроники Литовской католической церкви (1972—1985). Соредактор и составитель Хроники текущих событий (1973—1979). Лит. секретарь поэта Давида Самойлова (1973—1975). Один из создателей и директор издательства «Весть» (1986—96). Член совета Сейма «Саюдиса» в 1988—89 годах. Издатель и редактор газет «Возрождение» и «Согласие» (1988—1991). Преподаватель московского литературного института, ведущий семинара переводчиков с литовского (1991—1996). Автор 10 стихотворных книг. Живет в Вильнюсе.

² Григорий (Цви) Крицер родился в 1955 году в Вильнюсе. Родители: Цодик и Менуха, оба уроженцы Молетай. Закончил 6-ю русскую среднюю школу в Вильнюсе. В 1973 году, после одного семестра обучения в Вильнюсском филиале КПИ (Каунасского политехнического института), выехал с родителями в Израиль. Там почти год был в кибуце, затем в 1974—1978 годах учился в Тель-Авивском университете, параллельно работал в гостиничном бизнесе. В 1978—1981 годах — служба в ЦАХАЛе (армия обороны Израиля), с 1981 года занимается предпринимательской деятельностью, с 1989 года — футбольный менеджер. Женат, двое детей, живет в Тель-Авиве.

Я и сам говорил нечто похожее. Но это заявление, мягко говоря, неточно. Если мы согласимся считать нацию огромной личностью — а непосредственное чувство говорит, что такой подход единственно верен и ценен в моральном плане, — тогда эта личность включает в себя всех: и праведников, и преступников. Каждое прегрешение отягощает совесть всего народа и каждого его представителя. Не надо возлагать вину на другие народы. В своих провинностях они разберутся сами. Наши — надо назвать и оплакать нам. Говоря по правде, в этом и суть принадлежности к той или другой нации...» В те годы статья Томаса о евреях вызвала острую полемику (в подполье, естественно), в которой ярко и мощно проявил себя Антанас Терляцкас. Тема эта не забывалась и потом. Но в последние годы и месяцы она обрела какую-то особенную актуальность. А как вы, Григорий, пришли к идее траурного марша?

Григорий Крицер. Идея была самая простая — отдать долг погибшим и вообще пострадавшим от этого ужаса. Потом стало ясно, что нужен фильм. Это было сначала. Молетай — родина моего отца и поэтому — моя. Не могу сказать, что я всю жизнь напролет только и думал, как бы мне устроить траурный марш в Молетай... Но в каком-то возрасте просыпается осознание, что никто этого не сделает, кроме тебя. Кое-чего ты уже достиг: у тебя семья, профессия, положение в обществе... Наступает пора задуматься о каких-то других ценностях. Я бы так сказал: когда стало уходить поколение родителей, я говорю о 80- и 90-летних, я испугался, что с ними уйдет память, которая жива, пока они были живы. Вот мы... Мы росли на фоне всего этого, в тени этих трагедий, под звук этих рассказов. Сейчас родители покидают нас, а многие уже за порогом этой вечной разлуки... Или вот, как моя мама, которая уже 10 лет страдает Альцгеймером и уже ничем поделиться не сможет... Она, как говорится, не в счет. А подрастает новое поколение, наши дети и внуки, и мне стало страшно, что эта связь прервется и дальше уже никто ничего никому не расскажет. Я решил: надо что-то сделать в память этих 2000 убитых и лежащих там... Пришла идея сделать фильм о еврейской общине этого местечка и о трагедии, которая там произошла, ведь были убиты почти все... Во время подготовки к съемкам я обнаружил, что памятник на месте расстрела, на их могиле, — он в таком состоянии, что должно быть стыдно всем: и нам, их потомкам, и местным жителям, и властям. Я был уверен, что ждать и надеяться на кого-то — бессмысленно, и стал готовить новый памятник... И тогда впервые мелькнула мысль сделать такой вот марш...

Г.Е. Когда эта идея впервые пришла в голову?

Г.К. Больше года назад, кажется, в мае 2015-го. Я даже думал устроить шествие еще в прошлом году, но меня отговорили. И верно: ведь я рассчитывал не на литовских граждан, а на потомков молетских евреев, рассеянных по всему миру. А конец августа — это отпуска, все уже заранее спланировано, был риск мало кого собрать. И к тому же — в 2016-м исполнялось ровно 75 лет с того... события. И мы (а к тому времени у меня уже появились соратники и помощники) решили отложить все на год, а пока продолжили снимать фильм. Дел, кстати, обнаружилось много. Я не знал, что в Литве такая сложная процедура с разрешениями на памятники, ну и было множество других организационных вопросов.

Г.Е. А я все это время обеспечивал русское информационное сопровождение проекта, так что поневоле был в курсе... Насколько понимаю, для многих важно выяснить, каково было (и стало) отношение народа... нет, народ — это слишком громко и расплывчато, скажем так — общества к этой идее? Было ли сопротивление и неприятие? В комментариях звучало подозрение, что все это устроено чуть ли не для того, чтобы обелить литовцев, снять с них вину. Я никогда ничего подобного не слышал и не чувствовал. Правдоподобна ли, по вашему мнению, подобная трактовка?

Г.К. Никакой особенной идеи вообще не было. Цель была одна — та, что я определил с самого начала: почтить память родных. Я тогда не думал о том, каково отношение ко всему этому со стороны, меня тогда не занимало ничье стороннее мнение... Я не ждал милостей от природы. Я шел, ни на кого не надеясь, только на себя. Может быть, поэтому мне было легче. И все, что я в итоге получил, — это был

бонус. Быть может, я повторюсь, но раньше, до события, Молетай для меня был город-могила, несмотря на всю его эту живописность, на красоту окрестных пейзажей, голубизну озер... Все это было — чужое, холодное. И вот, пока мы готовили шествие, снимали фильм, — это место сделалось более родным, что ли, я там встретил очень много людей добрых, равнодушных, которые искренне и глубоко переживали эту трагедию... Одна женщина, когда пыталась нам рассказать о тех временах, не выдержала: «Я не могу говорить, мне слишком тяжело...» Она тогда была девочкой. Мне повезло, я действительно встретил много достойных людей... Знаете, как говорят: родина — это не только место на карте, это люди. И я в какой-то момент ощутил, что это родное мне место, если там столько близких людей. Они шли навстречу, предлагали и оказывали помощь, делали все возможное и невозможное. Я уж не говорю о Марюсе, который нам был послан, как ангел с неба.

Г.Е. И мне его небеса послали — почти 20 лет назад. Он тогда был совсем мальчишкой. Но объем, масштаб личности уже были вполне ощутимы! Я верно понял, что он участвует в создании фильма?

Г.К. Да. Но до завершения работы так еще далеко, что я бы остерегся что-либо говорить об этом.

Г.Е. А у фильма есть какое-то, хотя бы условное, предварительное название?

Г.К. Да. Он называется «Последнее воскресенье августа». Я могу объяснить, почему. Тут не все однозначно. Я с 6-8 лет помню эти поездки: с горсткой выживших евреев в Молетай на место казни... *Йорцайт* это называется, годовщина... Тогда ведь не то что мобильных — обычных телефонов почти ни у кого не было, но заранее было условлено, что в последнее воскресенье августа все собираются в Молетай. Некоторые ошибочно думают, что это массовое убийство произошло в последнее августовское воскресенье. Да, кстати, и во всех других литовских местечках, где случились такие трагедии (а их, увы, очень много) люди собирались кто в первое воскресенье сентября, кто во второе, но выходной день — самый удобный для поездок, так это и стало традицией. И ее надо продолжить.

Г.Е. В конце статьи «Евреи — проклятие Литвы» Марюс пишет: *«Да, они прошагают, они почтут своих павших, возможно, даже воздвигнут памятник. Но потом они все уедут, и те две тысячи наших закопанных земляков вновь останутся в немой очной ставке с нами. Опять они будут мертвы, а мы — живы, поэтому мы оскверним тот камень и будем дальше пить и испражняться на их могиле. Это самое страшное, что может случиться, но пока именно этот сценарий наиболее вероятен»*. И вот сейчас, когда шествие позади, эти опасения остаются? Каково, так сказать, послевкусие? И каковы могут быть результаты — если говорить не об официальной реакции, а об отклике в душах людей?

Г.К. Сразу скажу: я был глубоко тронут всем, что там произошло. Когда мы только задумывали этот марш, мы с женой говорили: «Если нас будет 10 человек, пусть так, пойдем вдесятером». Потом стало ясно, что нас будет больше. Мы мечтали: а вдруг нас наберется 100! А это вылилось в поразительное по силе событие... Очень сильное эмоциональное потрясение мы все испытали. Это тяжело пересказать. И эти люди, приехавшие со всех концов Литвы, как они отозвались на нашу боль!.. Конечно, это вселяет надежду, это порождает тепло, и можно сказать: лед взломан, он тронулся. Наверное, он тронулся еще раньше. Но сейчас он стал двигаться быстрее, это уже ледоход.

Г.Е. Да, это движение началось раньше. В середине 80-х я прочитал и перевел стихотворение Альгирдаса Вярбы «Ржаная баллада», вот его отрывок:

...В бетонном ангаре — сей хлебные зерна,
В самих небесах и в последнем аду,
Где кровь твоих ближних доходит до горла
И лес повторяет чужую беду.

Там дуб на равнине трясётся без звука,
От сумерек жёлтую пряча звезду,
И в окна стучит эмигрантская мука,
Отчизну рождая в солёном поту...

Тут ничего не прибавишь и не отменишь. У кого совесть есть — в тех она никогда не умолкает. И пусть более продвинутые знатоки решают, где подлинная Литва — там, где Венцлова и Вярба, или с теми, кто намекает: ладно, старые грехи мы признаем — но на этом все, хватит! Вообще мы вправе, мы можем надеяться на примирение?

Г.К. Я бы хотел ненадолго вернуться к ответу на предыдущий вопрос. Мне Марюс успел рассказать, что он потом (после шествия) остался в Молетай, жил у родителей еще несколько дней, колесил на велосипеде по городку и окрестностям, подъезжал к мемориалу и видел, что люди продолжают идти туда, кладут цветы и ставят свечи... Я вот что думаю. Те пьяницы, которые когда-то облюбовали это место (Марюс все описал точно), они тоже не были никакими монстрами, это не антисемитское проявление, это был признак деградации, им там было удобно пить и закусывать, там их никто не видел, там уютно и безопасно... А теперь в Молетай уже все знают, что это за место, самоуправление там установило видеокамеру, есть дорожный указатель и все такое... Подвижки есть, и положение изменится. Но мы с вами не наивные люди. Мы понимаем, что всегда найдутся мерзавцы, которых невозможно унять. Когда мы снимали фильм, в день марша, утром, наша группа встретила пьяного у магазина. Он подошел, начал спрашивать «как, что», а когда узнал, кто мы, выпалил: «Мне бы сейчас автомат, перестрелял бы вас всех!..» Но это пьяный, и у него на языке то, что на уме только у него. Не надо из этого раздувать всемирный скандал, идиоты и негодяи были, есть и всегда будут... Но сейчас, в теперешней Литве что мне понравилось... нет, понравилось — не то слово... Я стал на многое смотреть иначе. Раньше я разделял знакомый стереотип: Литва — это убийцы, так почти все считали. А я увидел очень многих, которые нашу боль испытывают как свою, кто-то прозревает, кто-то начинает узнавать то, что нам давно известно. Тут чрезвычайно значима информация. Понимаете, если даже мы не все знали и не все хотели знать, что мы тогда вправе требовать от других, от тех же современных литовцев? Нынешнее поколение — сорокалетние, тридцатилетние — они мало что знали, в советских школах или ничего не рассказывали, или о жертвах Холокоста говорили «советские граждане».

Г.Е. Вот и Томас Венцлова говорит в одном из интервью: «Учебники советского периода вообще не упоминали о евреях, это слово считалось тогда как бы неприличным, его избегали. Об убийствах писали, но умалчивали либо пытались умалчивать, что жертвами в первую очередь были евреи. Между тем литовцы понимали советскую пропаганду иначе: если власти и в особенности КГБ что-то утверждают, значит, правда находится в диаметрально противоположной стороне. Если ругают и обвиняют «буржуазных националистов», значит, все они как один являются героями и борцами за свободу. Мало кто понимал, что таким образом становился зависимым от КГБ: это именно КГБ определял твое понимание истории, пусть и окольным, извращенным способом».

Г.К. Многие вещи я сам узнал только сейчас. И вот ведь что еще... Антисемитизм таится и проявляется повсюду, он вовсе не только здесь, он коренится и в России, и на Украине, многие впитывают его буквально с молоком матери. И, повторюсь, необычайно важно, что многие здесь, впервые столкнувшись с ужасающей информацией, не кричат «уберите, не могу и не хочу это знать!», — но сострадают, соболезнуют, бросаются на помощь. О себе скажу. Я свой путь начал слишком поздно. Мне постоянно не дает покоя мысль, что мне нет прощения... Когда отец был жив и мама в порядке, родня тут же, дядья и тетки, — я же мог их усадить, расспросить, узнать и зафиксировать все подробности. Но вы же знаете, мы живем с ощущением, что родители — они вроде домашней утвари, они будут вечно, а потом они уходят, и ты рвешь на себе волосы, а — все, ничему уже не поможешь. И теперь я по крупицам собираю информацию, когда уже почти некого спрашивать. И постоянно свербит одно: поздно! слишком поздно! Все надо было делать лет 20 назад. А с другой стороны — тогда многое было труднее, чем сейчас... Оправдания всегда найдутся: дети маленькие, то да се... Сегодня и поездки упростились, многое стало легче.

Г.Е. А как, кстати, в Литве относятся к Израилю? Есть какие-то наблюдения?

Г.К. По-моему, люди в Литве внутренне разделяют два понятия: евреи одно, а Израиль — это иное. К конкретным людям отношение вполне личное, тут многое определяется поведением и культурой. Очень много уже родственного — кто-то на

ком-то женился и т.д. Израильяне в массовом порядке ездят в Литву на отдых, и литовцы к ним заново присматриваются... К Израилю на всех уровнях отношение очень уважительное: это передовое, сильное, цивилизованное, демократическое государство, на которое Литва хотела бы походить. Мне кажется более важным поговорить об отношении Израиля к Литве. Мне кажется, политические и государственные интересы заставляют наших руководителей быть, что ли, выше (или вне?) темы Холокоста... Проще говоря, они склонны на многое закрывать глаза. Понятно: им важен голос Литвы в различных международных организациях, и тут имеется явный компромисс, особенно с израильской стороны. Вы наверняка заметили, что на официальном уровне у Израиля нет сегодня претензий к Литве, хотя они могли бы быть.

Г.Е. У многих ощущение, что литовцы как-то особенно неохотно признают свою вину... Я не литовец, но долгие годы жил и живу в Литве, кстати, в том самом Молетском районе. Но всех литовцев, конечно, не знаю. Но знай я в сто раз больше, все равно, думаю: не мне судить о подобном. Мои любимые литовцы так совестливы и ответственны, как мало кто на свете.

Г.К. Тут многое и парадоксально, и вполне естественно. Я часто вспоминаю слова Венцловы, который говорил, что Литва стремится в собственных глазах выглядеть либо жертвой, либо героем, либо обоими сразу. И в этой системе координат все легко сходится: Литва — жертва свирепой коммунистической тирании, а кроме того она героически била захватчиков и никаких других ролей в истории не играла. Человеку, воспринимающему мир в таких категориях, трудно или почти невозможно принять и признать тот факт, что целые слои населения участвовали в зверских расправах. Марюс Ивашкявичюс мне рассказывал, как эта тема раскрыта в некоторых литовских учебниках: «*В сентябре 1941 года еврейские дети не пришли учиться: для них это было очень печальное лето*». Можно сказать так: сейчас Литва еще не готова сделать решающий шаг. Но она делала и делает малые шаги, и тут очень многое зависит от политиков. Но я верю, что довольно скоро Литва станет нормальным, взрослым государством. А сейчас — у нее такой подростковый период. Еще впереди совершеннолетие. Когда они смогут на все открыто посмотреть, признать, честно говорить о трагической истории в школах, тогда это будет прекрасная страна. Нынешняя молодежь — она умная, довольно прогрессивная, пытливая, ей надо больше доверять, снабжать полной информацией. Они уж сами разберутся, что хорошо, а что плохо. А пока Литва к своим чадам относится излишне бережно, старается не ранить их сознание правдой. Это страусиная политика. Мне вспоминается еще цитата из Томаса Венцловы, где он говорит, что в Литве происходят странные явления... Вот ведь многое делается для увековечения памяти о еврейском прошлом... В точности не помню, но...

Г.Е. Я напомним, вот эта цитата: «Виленский Гаон¹ стал почти такой же неотъемлемой частью наследия многонационального города, как Гедимин или Адам Мицкевич. Понятие «Северный Иерусалим» стало частью образа Вильнюса. Покойный Ицхак Мерас или ныне здравствующий Григорий Канович признаны создателями литовской культуры, существует немало успешных спектаклей и фильмов о прошлом и судьбе евреев. Опубликовано немало мартирологических воспоминаний, о положении евреев в годы немецкой оккупации уже не умалчивают, его по крайней мере пытаются сделать частью общественной памяти. Не умалчивают и о действиях литовцев — пособников фашистов, несмотря на то, что о них говорят очень абстрактно; любое обвинение в адрес конкретных лиц чаще всего называют клеветой и выдумками КГБ. Восстанавливают виленское гетто, в нем появились мемориальные доски, памятники. Было бы, конечно, хорошо, и у меня есть надежда на то, что рано или поздно отстроят Большую синагогу. Я как-то писал, что в советское время кварталы гетто восстанавливали так, чтобы никто и не вспомнил об их «еврействе», и это наш

¹ Элияху бен Шломо Залман (1720—1797), известен также как *Ха-гаон хе-хасид* — *Благочестивый гаон*, — раввин, каббалист и общественный деятель, один из выдающихся духовных авторитетов ортодоксального еврейства, математик. Слово «гаон» в переводе с иврита означает «гений».

национальный позор — так вот этого позора уже нет, о том, что кварталы были еврейскими, не умалчивают.

Г.К. Да, отмечены границы гетто, открываются музеи, издаются книги, воздвигаются мемориалы, и все это хорошо, пока дело не доходит до личностей: кто конкретно все это творил? Убитые есть, убийство состоялось, а убийцы отсутствуют.

Г.Е. И об этом в том же интервью («Евреи и литовцы: что изменилось и что не изменилось за 40 лет», ru.DELFI.lt, 27 апреля 2015). Томас говорит: «Мультикультурный взгляд и мультикультурная политика пришли в Литву со стороны после вступления в Европейский Союз, у них практически не было местных корней. По этой причине многие с упоением утверждают, что в Европе эта политика обанкротилась, несмотря на то что подобные разговоры — явное преувеличение. Мультикультурализм проник в академическую среду, уже только благодаря идейной и финансовой помощи Запада, но не в массы, и не в большинство правящего слоя, представляющего менталитет масс. Глобализация вообще считается злом, даже коварным заговором против народности. Эта литовская идеология, по сути, тождественна, скажем, идеологии Марин Ле Пен во Франции. Разница в том, что в Литве ее поддерживают практически все влиятельные политические силы — в этом вопросе существует молчаливое согласие, консенсус. Итак, официально высказывают согласие с тем, что Холокост — это великое зло, есть день памяти о нем, но вместе с тем официально хотят оправдать и даже канонизировать лиц, которые так или иначе участвовали в Холокосте. Этому также посвящены памятные дни и мемориальные доски. Такое явление следует называть государственной и национальной шизофренией». В связи с чем еще вопрос, видимо, последний. Преступления военного времени, участие в них коренного населения — не разделяет ли «еврейский вопрос» литовское общество на два лагеря?

Г.К. Я бы хотел, чтобы возникли два лагеря. Но, по-моему, пока двух лагерей нет. Когда вышла книга Руты Ванагайте «Наши»¹, — на нее обрушились со всех сторон. По моим ощущениям, 90% были против нее. Или я неверно осведомлен?

Г.Е. Не возьмусь судить, возможно. Но тут важен качественный состав обоих лагерей. Если ко второму лагерю в Литве принадлежат такие люди, как Ивашквичюс и Венцлова, тогда этот лагерь очень силен. А надо признать, что к нему принадлежат еще многие «властители умов». Собственно, эти 10% решают и решат все.

Г.К. А я повторю: вся моя надежда — на юное поколение, которому марши, вроде нашего, открывают глаза. Это поможет им самим жить, работать, строить свою страну и мир. Вот говорят о признании вины... Какой вины? Нынешнее поколение не виновно в преступлениях и проступках отцов и дедов. Речь о признании правды, принятии ответственности. Германия нашла в себе силы посмотреть правде в глаза, назвать преступления преступлениями, выплатить компенсации пострадавшим... Но и это случилось на сразу — понадобились годы, десятилетия. И Франция шла к этому почти 50 лет.

Г.Е. У Франции и других стран Запада — свои преступления и признания, но мне почему-то кажется, что в нашем углу, в Восточной Европе все как-то страшней и кромешней. И выбираться из этого мрака — труднее и дольше. Но жить в этом и с этим — нельзя... Тогда все же еще один вопрос: изменило ли все, недавно происшедшее, ваше представление о Литве, о литовцах?

Г.К. Безусловно. Это шествие внушило мне оптимизм и надежду. Да и любой, оказавшийся там в тот день, ощутил бы то же самое. Мы обязательно сделаем наш фильм — и по нему станет если не все, то многое понятно. Кроме того, мы сейчас создали фонд MALAT Memory Foundation — я надеюсь и хочу сделать ещё многое в Молетай и вокруг.

Материал подготовил Леонид БАХНОВ

¹ Книга Руты Ванагайте «Наши», посвященная геноциду евреев в 1941 году в Литве, вышла на литовском языке в январе 2016 года и вызвала большие споры в обществе.

Владимир Ермаков

Стремление впередь

Эссе о прогрессе

1

В истории идей есть понятия, возводимые современниками в ранг главных идеалов, и в эпоху их господства все прочие идеологемы настолько легитимны, насколько лояльны к ним. Так в Средние века во всем, что происходило, распознавалась *божья воля*. Все насущные проблемы решались с божьей помощью. Не сказать, что выходило хорошо. Но все усилия ума были направлены на то, чтобы оправдать порядок вещей. Потом бога в людях стало меньше, а проблем в мире больше. Систему мира пришлось переосмыслить. В период между Возрождением и Просвещением в общественном сознании произошла Великая эпистемологическая революция. Фактор истории поменял вектор: золотой век человечества из прошлого был перенесен в будущее. В XIX веке нарастающее *стремление впередь* отформатировалось в идею *прогресса*, овладевшую духом эпохи.

Согласно словарю, *прогресс* (лат. *progressus*) — *движение вперед, от низшего к высшему, переход на более высокую ступень развития, изменение к лучшему; развитие нового, передового*. Противоположное понятие, *регресс*, приравнивалось по смыслу к деградации. Таким образом, в менталитете элит критерий прогрессивности становился основанием морального определения качества событий и явлений, позволяющим судить, — что из происходящего хорошо, а что плохо. Только то, что могло претендовать на прогрессивность, могло располагать моральными ресурсами современности и рассчитывать на общественную поддержку. Перспектива прогресса настолько увлекла передовых людей, что прогресс из идеала стал идолом. Что поразительно, — никто из сторонников целенаправленного развития не замечал, что в стратегии прогресса цель как таковая отсутствует.

Если в теологической концепции экзистенциальной целесообразности (*что Бог ни делает, все к лучшему*) вопрос о конечной цели существования снимался доверием к божьему промыслу, то в секулярной телеологии он решительно дезавуирован: кредо авангарда в формулировке социалиста Эдуарда Бернштейна (*движение — все, цель — ничто*) стало догмой прогресса... На первый взгляд, это формула оптимизации

Ермаков Владимир Александрович — поэт, эссеист, постоянный автор «Дружбы народов». Последние публикации в «ДН» — «Тёмен жребий русского поэта...» (№ 6, 2010); «Сто лет без Толстого» (№ 2, 2011); «Друг без друга. В поисках утраченного чувства» (№ 11, 2015); «Нелюдимые русские вёси». Стихи (№ 9, 2016).

социальной динамики, — поскольку активизирует действие, исходящее из действительности. Но если вдуматься в суть тезиса, в экзистенциальном плане стремление вперед есть устремление к небытию. Если цель — ничто, то стремительность = смертельность. Игра на опережение покрывается тратой времени. Работа на износ, не имеющая конечной причины, не что иное как порабощение тружеников процессом производства. Что-то не то выходит с *raison d'être* (смыслом существования) *homo sapiens* (человека разумного). Бесконечный прогресс оказывается бессрочной каторгой скорбного разума.

* * *

Согласно идеалистической диалектике Гегеля мировая история есть становление абсолютного духа, то есть возрастание реальности от хаотического состояния к логическому. Из учения о саморазвитии логоса легко извлекается идея прогресса. А далее эту отдельно взятую идею можно утверждать как когнитивную догму. Что, собственно, и сделал Карл Маркс, основоположник безбожной религии исторического материализма.

Современник и соотечественник Карла Маркса историк Леопольд фон Ранке, основоположник научной методологии исторического исследования, оппонировавший марксизму, понятие «*историческое развитие*» считал оскорблением человеческого достоинства. В его возражениях против сравнительного подхода к внутренней проблематике былых времен есть прямой резон: идея прогресса лишает каждую эпоху собственного смысла; сонмы людей, живущих в своем времени, опосредованным образом лишаются своей судьбы, превращаясь в расходный материал истории. Как сказал сто лет спустя поэт Осип Мандельштам, чья судьба оказалась в залоге у прогрессивной идеологии, — *Не сравнивай: живущий не сравним*. Воистину так.

Но если все же сравнивать различные состояния человеческого общества по прогрессивной шкале сравнительной антропологии, может оказаться, что каждое историческое обретение покрывает некую утрату. Просвещенные пессимисты полагают, что спорные радости прогресса даются человеку ценой потери шестого чувства — врожденного чувства целостности существования, иначе говоря, мистического единства жизни и судьбы. Чем больше всего имеет человечество в целом, тем больше того, чего не хватает каждому. Недостижимое воспринимается как отчужденное. Обратная сторона прогресса — ресентимент, бессильное злопамятство, выедающее в душе предустановленную гармонию желаний и возможностей. Если смотреть с точки зрения вечности, суровая жизнь охотника на мамонтов вряд ли экзистенциально беднее трудовых будней офисного менеджера. А поскольку существование предшествует сущности, то и духовный потенциал древних варваров, видимо, был богаче, чем у нынешних вандалов. Если сравнить фрески на стенах пещер и граффити на наших заборах...

* * *

Позитивные мыслители прошлых веков, с моральным удовлетворением вкушая плоды с древа познания, развивали в своих трудах тезис о неограниченном могуществе разума. Социальные утописты, вдохновленные укрощенной мощью паровой машины, разрабатывали техническое задание для утопического проекта — преобразование системы мира под нужды человечества. С помощью хитроумных механизмов человек может добиться всего, чего захочет. Разве не так?

Не так. В перспективе неизвестности отдельного мыслителя подстерегает то, о чем он не думал. Непродуманные действия порождают непредсказуемые последствия. Самоопределение современности складывается из критического пересмотра своей

предыстории. Как заметил поэт, — *Следствие редко способно взглянуть на свою причину с одобрением.*¹ Одним из стимуляторов прогресса является конфликт отцов и детей.

Коренная ошибка практического разума в том, что его стратегия строится на резонах, а жизнь подвержена безрассудному действию страстей. Человек, стремящийся к переменам, сам не знает, как он поведет себя в изменившихся обстоятельствах. Если даже живущие бок о бок люди не могут найти консенсус относительно злобы дня, — где уж надеяться на согласие миллиардов людей, разделенных по странам и стратам, разобщенных по верам и вкусам.

Стрелка компаса, указывающего на полюс блага, рыскает из стороны в сторону, и траектория истории, следуя духу времени, выписывает такие кренделя, что, вопреки догматам истмата, целые народы сбиваются с пути и поворачивают вспять. Где-то в эмпиреях, глядя на эти исторические выкрутасы, угрюмый Гегель настырно и напрасно надеется на сошествие абсолютного духа, а упрямый Маркс кормит баснями призрак коммунизма, в ужасе бежавший от преследующих его людей.

Если судить непредвзято, получается, что генеральная линия прогресса не является диалектической спиралью, как убеждают теоретики, а описывается старинной формулой: *куда кривая вывезет...* Однако двигаться наугад и действовать наобум — дело рискованное. Простец это чувствует, мудрец это понимает. *Ведь прогресс сам по себе указывает направление; в тот момент, когда мы начинаем хоть немного сомневаться, туда ли мы идем, мы в такой же степени сомневаемся в направлении прогресса.*² Сомнения старого провокатора Честертона вполне обоснованы, но не вполне осознанны. При всей своей склонности к рискованным играм ума он даже представить себе не мог, что впредь сотворит прогресс с его старой доброй Англией...

* * *

Стратегия развития, если отнестись к ней критически, это консолидированное стремление попасть из прошлого в будущее, срезав дорогу через настоящее. В идеологии прогресса современность рассматривается как переходный этап, не имеющий собственного значения. Идея, превращенная *передовыми людьми* в догму, стала парадигмой технологической цивилизации. Одержимое движением исподволь овладела общественным сознанием и вытеснила из него идеал душевного покоя, в котором нуждается каждая живая душа. В итоге образовалось общество душевнобольных. Никто не находит себе места там, где он есть. Желание перемен стало навязчивым состоянием мятежного духа — и сущим несчастьем сложной личности. Как оказалось, все наши дорогостоящие радости мало что стоят на самом деле, если наличное существование не гарантировано неким высшим принципом, не подверженным превратностям истории. Жизнь, устремленная вперед, фатально не удается. Вроде бы все есть, что надо для радости, а в душе такая тоска... Синдром ностальгии: хочется жить *обратно*.

Одержимое навязчивой идеей прогресса, человечество принесло человека в жертву идолу цивилизации. Условия человеческого существования усложнились и усложнились. Каждому индивиду на каждый день столько всего надо, чего прежде даже в сказках столько добра не было. На всех всего не напасешься; рост потребностей опережает рост возможностей. Отсюда вытекает необходимость принуждения значительной части человечества к несчастью недостаточности, к нехватке посреди избытка. Подобно злосчастному Франсуа Вийону, неудовлетворенный потребитель *от жажды умирает над ручьем*. И никому бедолагу не жалко. Всем не до него. Успеть бы свое ухватить... Чем больше стоимость жизни, тем меньше ценность личности.

¹ Иосиф Бродский. «На стороне Кавафиса».

² Гилберт Кийт Честертон. «Еретики».

Имидж — все, душа — ничто. Разрывая узы привязанности, ближние стремятся вырваться вперед в гонке за лидером, и эта энергия заблуждения — движущая сила прогресса.

* * *

Если проанализировать прогрессивные убеждения в скептическом аспекте, можно убедиться, что целеустремленность без цели — фикция. Методология прогресса по сути своей не столько идеология, сколько мифология. Бинарная оппозиция прогресса и регресса замещает в общественном сознании сакральные образы бога и дьявола, потускневшие в свете рационального знания. Во всяком случае, прогресс приравнивается к добру, а регресс — к злу. Так ли уж это бесспорно, как думают те, кто не думает о последствиях? По мере того, как темп прогресса ускоряется в арифметической прогрессии, цена ошибки возрастает в прогрессии геометрической. Масштаб тотальной катастрофы уже приближается к параметрам библейского апокалипсиса.

Объявленный абсолютным благом, прогресс разворачивается в истории как самовозрастающий кризис существующего порядка вещей. Причем все более глубокий — и глобальный. В период индустриальной революции скорость и масса изменений если не контролировались, то хотя бы регулировались. Теперь же цивилизационная динамика — технологическая лавина, вовлекающая в движение весь мир. Динамизм как демонизм: мир несется сломя голову в чертову прорву времени...

Мир меняется быстрее, чем осознается. Характер перемен на каждом новом этапе все тотальнее, радикальнее и кардинальнее. Человечество устремляется в будущее с возрастающим ускорением, перерождаясь в движении. Нынешние люди, не вписывающиеся в завтрашние параметры, становятся вчерашними; вектор прогресса оттесняет лишних людей, аутсайдеров и маргиналов, на поля календаря, где все, в чем нет необходимости, пребывает без надобности. Прогресс продолжается все большими усилиями все меньшего числа людей. В эпистемологическом пределе интеллектуальные технологии смогут развиваться без участия интеллектуалов и технологов. Парадокс прогресса в том, что внутри биосферы человечество создает техносферу, которая в пределе автоматизации не будет иметь нужды в человечестве. Античное понятие *бог из машины* обретает обратный смысл: не помощь, а гибель.

2

Парадокс прогресса можно обнаружить, связав два известных высказывания о знании, одно из которых обращено к разуму, а другое к душе.

Знание — сила (Фрэнсис Бэкон)

Знание надмевает (апостол Павел)

Из этого силлогизма следует вывод, что знание, необходимое и достаточное условие прогресса, став силой, становится властью, — а всякая власть, как известно, разворачивается тем больше, чем меньше подвергается критике. А кто, кроме обскурантов и мракобесов, может выступить против знания, если критический дискурс находится под эгидой чистого разума? Таким образом, научные постулаты становятся идеологическими догматами, а наука как таковая — рациональным культом.

Всякий культ требует жертв. В жертву ненасытной истине жрецы прогресса приносят все, что могут отрезать от живой жизни остро отточенным логическим инструментом — *скальпелем Оккама*. Если некая сущность не поддается изучению, наука отказывает ей в праве на существование. Так в Век Просвещения французская

академия постановила, что известия о метеоритах суть суеверия: поскольку небосвод есть оптическая иллюзия, то падать оттуда ничего не может. Серьезные люди, эти ученые...

* * *

По какому-то подлому закону научной методологии внутри каждой решенной проблемы открываются две новые, превосходящие первоначальную по масштабу и сложности. Чем больше мы узнаем, тем яснее понимаем, что не знаем гораздо больше, чем думали раньше. Возрастающий дефицит в экономике знания составляет парадокс прогресса. Чем дальше в лес, тем больше дров... — и тем дороже обходится их заготовка и доставка. Чтобы обеспечить ход событий креативной энергией, необходимой для конкурентной государственности, политическая власть мобилизует весь интеллектуальный потенциал на условный лесоповал — под надзор поставленных над ними начальников. Академия наук становится *шарашкиной конторой*. Поэтому интеллигенция, потерявшая внутреннюю ориентацию, усомнилась в своей прогрессивной миссии. Но продолжает — по умолчанию — служить прогрессу. Как служат церкви старые попы, разуверившиеся в благодати. *Идея прогресса исчезла, но прогресс продолжается.*¹ Продолжается как самопроизвольный процесс. Не настоящее продвигается в будущее, а грядущее вгрызается в существующее.

Если поменять привычную точку зрения на течение времени, памятуя, что всякое движение относительно, вектор перемен поворачивается в уме на 180 градусов. И тогда можно сказать так: прогресс есть агрессия грядущего. Весь мир — театр военных действий. Будущее наступает, и его авангард, захватывая и расширяя плацдарм в современности, не шадит иллюзии настоящего.

* * *

Все, что человечеством ни делается, — делается к лучшему. Но делается так плохо, что ничего хорошего из этого не выходит. Благие намерения порождают дурные последствия. Почему так? Огюст Конт, основатель позитивизма, определил смысл прогресса как возрастание системности: *Прогресс есть развитие порядка*. Безупречное определение. Но ведь что из него следует? Чтобы развивать что-либо, надо для начала это иметь. В то время как назвать *порядком* существующее состояние вещей решится разве что сумасшедший. А если так, то, по логике вещей, дальше будет еще хуже.

В критериях прогресса привычная повседневность представляется заторможенной действительностью. Прогрессивная реальность суть Зазеркалье Кэрролла: *здесь, знаешь ли, приходится бежать со всех ног, чтобы только остаться на том же месте! Если же хочешь попасть в другое место, тогда нужно бежать по меньшей мере вдвое быстрее!*² И приходится бежать. Со всех ног. А их у homo sapiens'а всего две...

У аналитиков нынче в ходу модное словосочетание: «опережающее развитие». Как это понять? очень просто: нечто делается быстрее, чем думается. По мере того, как ускоряется ход перемен, современнику все труднее не отстать от жизни. Технологические темпы не соответствуют биологическим ритмам. Надо все больше знать, чтобы не остаться в дураках. Надо все больше суетиться, чтобы обеспечить покой. Надо все больше напрягаться, чтобы заработать на отдых. Надо лезть вон из кожи, чтобы сохранить лицо.

В идеологии прогресса (сумме технологии) стремление к покою отвергается как ересь и подвергается остракизму. *Там, где все движется — да к тому же еще в одном и*

¹ Жан Бодрийяр. «Прозрачность зла».

² Льюис Кэрролл. «Алиса в Зазеркалье».

том же направлении, будь то направо, налево, вверх или вниз, — человек покоящийся оказывается помехой. Его воспринимают как некий упрек — и, натываясь на него, считают вредителем.¹

Из публичного идеала героя нашего времени, воплощенного в культовых персонажах, начисто вычищены все позитивные коннотации сдержанности и задумчивости. В идеологию прогресса входит пропаганда «активного отдыха» — в индустрии спорта релаксация устроена как сублимация агрессии. То же в сфере развлечений. Вот хотя бы одна характерная деталь: в современных диско клубах весь спектр настроений, выражаемых в танцах, поглощен одной сплошной половецкой пляской, лишенной какой бы то ни было хореографической интриги...

Расшибая лбы, столкнувшись с непредвиденными последствиями нововведений, прогрессивные мыслители проблематизируют понятие прогресса, выискивая способы как-то иначе соотнести динамику техносферы и инерцию социума. Вот, к примеру, мнение философа Германа Люббе, высказанное в эссе с остроумным подзаголовком «О сокращении нашего пребывания в настоящем»: *Опасности, вызванные остановкой прогресса, менее серьезны, чем тяжелые последствия осуществившегося прогресса.*² Собственно говоря, разве не то же самое утверждал своей жизнью задолго до него, лежа на своем продавленном диване, Иван Ильич Обломов, хранитель праздного духа и носитель ментальной инерции? А прогрессивная общественность держала его за лодыря...

* * *

Чтобы не доводить историю до плачевного конца, идею прогресса надо понять заново. Испанский философ Хосе Ортега-и-Гассет в книге «Размышления о технике» указывает на то, что общество уже не властно по собственной воле менять параметры своей жизни, а следует необходимости, рождающейся внутри техносферы. Модернизация социума обусловлена инновациями техносферы: система использует человека как носителя качеств, нужных для ее успешного функционирования. Если прежде люди были винтиками государственной машины, находящейся под контролем правящей элиты, то теперь сама власть становится лишь функцией самоуправления системы, принципы действия которой выходят за пределы общественного сознания. Все стратегические решения принимаются исходя из того, что будет лучше для системы, — даже если для этого приходится жертвовать интересами и правами людей, которые создали эту систему для обеспечения своих прав и интересов.

Экстремальное *стремление вперед* нарушает сложившееся равновесие традиций и новаций. В истории этносов модернизм стимулирует активность, а консерватизм сохраняет идентичность. Изменение и сохранение в равной мере отвечают за существование общественного порядка: ставка на отставание заведомо будет бита; игра на опережение кончается отрывом от реальности. *Ради того хорошего, от которого так легко уходят, вовлекаясь в процесс развития, необходимо покончить с критической страстью к улучшению.*³ Прогресс, из технического условия человеческого существования превратившийся в самодовлеющий принцип, подобен злокачественному процессу в социальном организме.

Так или иначе участвуя в прогрессивных акциях, понимаем ли мы сущность того, в чем соучаствуем? Если предположить, что канцерогенные агенты каким-то чудом обрели сознание, можно поставить три вопроса. 1) Осознали бы раковые клетки организм, в котором образовали опухоль, как биосферу? 2) Какое идеологическое обоснование нашли бы они для разрастания своего сообщества? 3) Возникла бы у них

¹ Эрнст Юнгер. «Эвмесвиль».

² Герман Люббе. «В ногу со временем».

³ Петер Слотердаик. «Критика цинического разума».

в ходе размышлений о своем будущем эсхатологическая идея? Скорее всего, расширенное воспроизводство своего сообщества и распространение метастазами по всему организму идеологи канцерогенеза провозгласили прогрессом. Онкология как онтология...

Спрашивается: кой черт внушил нам ненасытную страсть к переменам? Ведь есть же (были!) и другие концептуальные подходы к истории. В интервью журналу «Фома» (№ 4, 2015) историк древнерусской словесности и ментальности Евгений Водолазкин, автор философского романа «Лавр», средневековое мировоззрение отличает от модернистского следующим образом. *Особенность средневекового мышления, плохо осознаваемая сейчас, — это совершенно другое восприятие времени. Оно было в гораздо меньшей степени насыщено событиями, но в гораздо большей — метафизическими смыслами. Большую часть Средневековья даже часов не было в массовом употреблении, и не в силу технологической отсталости, а просто потому, что потребности не ощущались. Более того, средневековому человеку был свойственен взгляд на время, так сказать, сквозь вечность. По-латыни это звучит как *sub specie aeternitatis* — с точки зрения вечности. Поэтому обыденное время, повседневное, отчасти размывалось таким подходом.*

Эмпирическому разуму, вероятно, не дано усвоить понятия вечность и бесконечность, но разницу между ними ему необходимо осознать, чтобы не путать пунктир жизни с линией судьбы. Сумеречное сознание стремится к ясности. *Так когда же, спрашивается, конец света, закричала толпа. Нам это важно, простите за прямоту, и в отношении планирования работы, и в смысле спасения души.*¹ Исторический человек не против конца истории, — он хочет лишь определенности.

В контексте постмодерна все понимается относительно. Говорить о конце света бессмысленно. Говорить о конце истории преждевременно. Но пришло время поставить вопрос об отмене прогресса в качестве стратегии мировой цивилизации. Чтобы люди могли спокойно заниматься как своими обыденными делами, так и спасением своей души. То есть обустроить окружающую действительность и оптимизировать внутреннюю реальность. Принимая за должное не больше вероятного, но не меньше возможного.

Особенно актуально это относительно нашего отечества, пытающегося наверстать упущенное. Как тут не вспомнить классическое определение русской судьбы как птицы-тройки... *Не так ли и ты, Русь, что бойкая необгонимая тройка несешься? Дымом дымится под тобою дорога, гремят мосты, все отстает и остается позади. Остановился пораженный божьим чудом созерцатель: не молния ли это, сброшенная с неба? что значит это наводящее ужас движение? и что за неведомая сила заключена в сих неведомых светом конях?* Сказано так сильно, что дух захватывает. Однако захваченный дух вскоре пропитывается сомнением и страхом — *Русь, куда ж несешься ты? дай ответ. Не дает ответа.*

Через полтора века после провидца Николая Гоголя другой русский гений, поэт Владимир Высоцкий, осознал это наводящее ужас движение как стремление к смерти. И взмолился: *Чуть помедленнее, кони, чуть помедленнее...*

* * *

Наверное, чтобы не было недомолвок, в заключение следует сформулировать вывод: что делать? Увы, вывода нет. И выхода, похоже, тоже нет. Если бы знать, камо грядеши, чего бы суесть попусту...

Ясно одно: так жить нельзя. Надо что-то делать, чтобы обуздать прогресс. Надо менять существо прогресса — не технологию, а методологию. Основные усилия следует направить на избавление человека от принудительной необходимости отречься от прошлого и жертвовать настоящим во имя будущего, — на исцеление русской

¹ Евгений Водолазкин. «Лавр».

тоски, которая отравила национальную идею темной враждебностью к окружающей действительности.

Мучительное чувство фрустрации, свойственное эсхатологическому комплексу утомленного менталитета, лучше всех выразил не самый лучший поэт Серебряного века —

От места к месту я иду,
Природу строго испытую,
И сокровенного все жду,
И с тем, что явлено, враждую.⁹

Если снять меланхолический флер, в этой формуле обнаруживается кредо модерна. Из чего можно заключить, что идеологема прогресса есть мифологема, онтическим инвестором которой является метафизический ужас. Смертельный страх, растворенный в задних мыслях, обходит защитные природные механизмы и, словно программный вирус, блокирует естественное отношение сознания и бытия. Экзистенциальная установка на будущее — сублимированная форма танатоса, коварно заместившая в коллективном сознании место эроса. Игра на опережение, в которую превращается существование — перманентная утрата настоящего времени в надежде заполнить пустоту в себе завтрашним днем. То есть бегство от жизни.

Стремление вперед стало навязчивым состоянием массового сознания. Гносеологический осел, в коего превратился homo sapiens, одержимый маниакальным психозом, бежит за воображаемой морковкой. И когда жертва прогресса выбьется из сил и свалится под копыта стада, сломя голову несущегося из нынешнего дня в завтрашний, последним озарением в сумеречном сознании открывается страшная правда: завтра не наступит никогда.

Постскриптум

После всего сказанного следует прояснить, насколько серьезно сам автор относится к реакционной теории, изложенной им с усердной последовательностью, но без особой убедительности. Трудно сказать однозначно и определенно... Вероятно, в основе авторского отношения к избранной теме есть изрядная примесь философского фарисейства, — поскольку всякая критика на уровне мотивации суть скрытая защита той действительности, которая подвергается критике. Кто выступает против прогресса, по определению не может призывать к радикальным переменам. Ведь и этот текст, фигурально говоря, не гусиным пером писан, а комфортно отформатирован на мониторе персонального компьютера. Что не лишает резона скепсис, сосредоточенный в эссе.

В чем же все-таки мессидж? Когда автор задается вопросом, какие мгновения жизни казались ему моментами истины, он задним умом понимает, что в своих экзистенциальных экстазах ощущал свое существование как пребывание вне времени. Этот выход за пределы действительности, согласно всем свидетельствам, составляет суть всякого духовного опыта, от глубокой древности до наших дней. Следовательно, никакие технологии никоим образом не способствуют душе в преодолении невыносимой легкости бытия и приближении к недостижимому блаженству. Я думаю, каждый, кто был когда-либо счастлив, чувствовал нечто в этом роде. Однако если для лучшей жизни надо будет отказаться от того, что есть в этой, вряд ли кто, будучи в здравом уме

¹ Федор Сологуб. «Кругом обставшие меня...».

и твердой памяти, согласится на эмиграцию из несостоявшейся утопии в несуществующую пастораль.

Суммируя вышесказанное, автор обнаруживает, что не может сложить в уме то, что разделилось в душе. Собственно говоря, этот и есть надлежащий вывод; если *дом, разделившийся сам в себе, не устоит*,¹ то противоречие, являющееся сутью человеческого существа, укрепляет его решимость устоять в этом мире. То есть становится стимулом судьбы. В умозрительных координатах чистого разума, экстраполирующего траекторию развития homo sapiens как природного существа из прошлого в будущее, прогресс — проекция вектора истории на горизонталь времени. Однако судьба человечества зависит от того, на какой уровень поднимается общественное сознание по вертикали духа.

Чего больше всего хотелось бы автору, не знающему, как без урона для авторства выйти из затянувшегося и запутавшегося рассуждения о том, чего он сам толком не понимает, — чтобы вдумчивый читатель, который сумеет одолеть и преодолеть этот текст, увидел в нем опосредованное выражение когнитивного диссонанса, характерного для шизофренического дискурса эпохи постмодерна. И с чистой совестью посочувствовал суеверному автору, заблудившемуся в сомнениях, — дорогу мысли, устремленной в будущее, перешла черная кошка тревоги.

¹ Евангелие от Матфея: 12;25.